

ОПЕРАЦИЯ «ОРЛЕНОК»

Отец десятилетнего Ишханика был толстым, круглолицым человеком с тройным подбородком; большим, как узбекская дыня, животом и узкими покатыми плечами. Издали он чем-то напоминал огромную бутылку от шампанского. На работу он ходил пешком даже в непогоду. «Только глупые люди ездят в городском транспорте, — говорил он. — Дело это вдвойне невыгодное: во-первых, вредно для здоровья; а во-вторых, всегда надо платить деньги». Отец Ишханика работал бухгалтером, и сослуживцы звали его несколько странным для взрослого человека именем — Ваник. Вообще-то по паспорту он был Вачаганом Никогосовичем, но, зная о страсти бухгалтера к экономии во всем, на работе взяли да сократили его имя и отчество. И получилось это короткое и прилипчивое — Ваник.

Сын Ваника, Ишханик, не был похож на отца. Худуший, с длинными руками, он ничего не смыслил в экономике и каждый день требовал от родителей двадцать копеек на мороженое, которое любил безмерно. Когда наступило лето, выяснилось, что Ишханик любит не только мороженое, — оказалось, что в не меньшей степени он любит велосипед. На очередном семейном триумвиrate встал вопрос о велосипеде. Выслушав доводы сына, Ваник попросил, чтобы жена принесла счета. Мать и сын с трепетным вниманием следили, как Ваник ловко перебирает костяшки короткими пальцами. Они в этом деле ничего не понимали, но по опыту знали, что сейчас Ваник выпрямится, чинно отложит счета в сторону и скажет что-то важное простым человеческим языком. Так оно и случилось.

— Значит, так, — довольный собой, начал отец Ишханика, — велосипед стоит сорок восемь рублей. Будем считать, что пятьдесят, потому что, уверен, какой-нибудь шайбочки там не будет хватать и придется купить ее у частника. Снег лежит в центре Еревана два месяца, а в нашем, Четвертом Норкском массиве, — целый квартал.

Сын, правда, не знал, что такое «квартал», но догадывался, что это больше, чем два месяца.

— Еще два-три месяца, — продолжал Ваник, — идут дожди. Выходит, что кататься на велосипеде можно только полгода, а если подумать, — и того меньше. Да и то — не каждый день. Всякое бывает: гром, ангина, ремонт лифта, грипп, ремонт велосипеда. Всякое...

Домочадцы никогда не перебивали Ваника. С ним нельзя было не соглашаться. Он всегда говорил четко, излагал свои мысли последовательно. В самом деле, куда поставить велосипед зимой? В комнате нельзя. На кухне — негде. В ванной — заржавеет. О коридоре и думать нечего, ибо каждому ясно, что оттуда сопрут. Так что чего уж тут возражать Ваннику... Однако, несмотря на это, Ишханик робко вставил:

— Но ведь ты обещал, что если я хорошо окончу третий класс, то...

Ваник, обладавший хорошей памятью, вспомнил, что он действительно обещал сыну купить велосипед. Как-то он вернулся домой навеселе — угощали сослуживицы по случаю 8-го Марта — и действительно дал такое обещание. А теперь — доподлинно известно — Ишханик окончил третий класс с одними пятерками.

Реплика сына ничуть не подействовала на отца. Всякие там эмоции — это удел глупых и несерьезных людей. Ваник просто провел своей пухлой рукой по голове сына и совершенно спокойно сказал:

— Хорошо. Будет вам велосипед. — Он именно так и сказал — «вам», потому что мать всегда брала сторону сына. — Только вот зачем вам велосипед, да еще детский? А если ты за год быстро подрастешь? Что тогда? Нет, давайте мы его не купим, а... возьмем напрокат.

Жена Ваника улыбнулась и согласно кивнула. Она всегда радовалась способности мужа смотреть на вещи реалистически. Ишханик не знал, что это такое — «брать напрокат». Но ему как-то все равно было, каким именно способом велосипед попадет в дом.

Вскоре по бугристым улочкам Четвертого Норкского массива Ишханик катил на своем «Орленке». По вечерам дома только и было разговору о приобретении. Ишханик научился ездить на велосипеде по-всякому, даже стоя на раме, даже сидя задом наперед. Он как-то за несколько дней возмужал, окреп, посерьезнел, а яркие веснушки его даже малость побледнели.

Ишханик очень любил велосипед, что, однако, ничуть не меняло его отношения к мороженому. У мальчика не было большого жизненного опыта, у него еще все было впереди, и по этой причине он не знал, что нельзя гоняться за двумя зайцами сразу. А жизнь, ведь она не только радует, но еще иногда и огорчает. В этом Ишханик убедился очень скоро. Однажды он оставил свой велосипед у магазина, где всегда покупал мороженое. Выйдя вскоре с мороженым, он несколько раз обежал вокруг магазина. Ишханик, по своей неопытности, не сразу понял то положение, в которое он попал. Он еще долго не мог сообразить, что велосипед его сам никуда не передвигался, его просто-напросто сперли.

Отец Ишханика больше всего в людях не любил два порока: чувство юмора, которое, на его взгляд, делало людей несерьезными, и склонность их к паникерству. Чувства эти, а вернее, пороки у Ваника отсутствовали начисто. И потому, узнав о трагедии, неожиданно ворвавшейся в мирный его дом, он принялся спокойно и внимательно изучать текст, напечатанный на обратной стороне квитанции, выданной в ателье проката. Ваник читал вслух текст и никак не мог уловить его главной сути. Дело в том, что без счетов он был лишен возможности реалистически соображать. А в тексте квитанции говорилось, что «при невозврате предметов, взятых напрокат, клиент обязан уплатить ателье их трехкратную стоимость». Все же после нескольких мучительных попыток Ваннику удалось без всяких там счетов перемножить в уме сорок восемь на три. Получилось сто сорок четыре рубля. Это было сродни месячной зарплате. «Многовато», — подумалось ему.

— Жена! — стараясь быть спокойным, обратился Ваник к своей супруге, которая места себе не находила в это время в их двухкомнатной квартире (закрытый балкон мы не принимаем в расчет). — Надобно позвонить брату твоему Седраку. Все-таки как-никак милиционер, может, нам поможет. Сто сорок четыре рубля на улице не валяются.

Дядя Ишханика, Седрак, старшина милиции, скорее похожий на умудренного опытом игрока военной музкоманды, нежели на современного милиционера, сказал по телефону, что дело это очень даже тяжелое, ибо и дураку известно, что кража велосипеда — это не взятие банка. Банк грабят взрослые и оставляют следы, а велосипеды крадут отчаянные пацаны, которые, в отличие от профессиональных воров и грабителей, как правило, работают чисто. Но все же дядя Седрак обещал, что

он что-нибудь да придумает, на худой конец соберет по частям другой велосипед: ему, мол, это ничего не стоит.

Дядя Седрак придумывал очень долго, и это обстоятельство, конечно, не могло не возыметь своего неблагоприятного воздействия на некогда мирно протекавшую жизнь в семье бухгалтера. Ваник взял на две недели отпуск без сохранения содержания. Сделал он это для более успешного проведения операции «Орленок», которой, кстати, занимались еще с десятком друзей-коллег дяди Седрака. Вся милиция, обуеваемая чувством коллегиальности, ежедневно собирала по частям детский велосипед. Дядя Седрак регулярно докладывал Ванику по телефону о ходе операции.

Кто сказал, что счастья нет? Оно есть. Ванику даже была предоставлена возможность потрогать его руками. Во дворе милиции он имел счастье дотронуться до велосипеда, собранного из разных частей, найденных в разных районах города. Изготовленный коллегами дяди Седрака велосипед радовал, но несколько пугало, что он весьма отдаленно напоминает «Орленка». Кто-то из веселых милиционеров назвал собранную машину «Антилопой-Гну», но Ваник не понял шутки и несколько грустновато (что не свойственно было его характеру) сказал сыну:

— Ты, Ишханик, отнеси велосипед домой, а я пойду на работу. Вечером все обсудим.

Ишханик удивился, почему это отец сказал ему «отнеси велосипед», а не «поезжай». Но уточнять не стал. Как только Ваник скрылся за углом, «Антилопа-Гну» была тут же оседлана, и вскоре, налегая на ржавые педали, мальчик приближался к заветному Четвертому массиву. Цель была уже близка, когда, откуда ни возьмись, перед путешественником выросла ватага пацанов. Ишханик остановился. Слез с велосипеда, хотел что-то сказать, но ему не дали. Самый толстый из пацанов с ехидцей спросил:

— Откуда взял драндулет?

На этот вопрос невозможно было отвечать коротко, а ребята, как известно, в отличие от взрослых, не любят и не признают демагогии. Ишханик об этом хорошо знал и потому молчал. Ватага обступила «Антилопу». Ребята трогали руками разноцветные железяки. Ишханик не возражал. И на это имелись причины. Во-первых, численное преимущество было на стороне противника; во-вторых, было действительно не жалко — пусть трогают. Вдруг кто-то из ребят заорал так, словно кто впихнул ему за шиворот печеную картошку. Все вздрогнули.

Пацан держался за какую-то деталь и доказывал, что это от его велосипеда, который был угнан еще в прошлом году.

...Подбитый глаз, опухший нос, поцарапанная щека, порванная рубашка — все это ничуть не расстроило Ишханика. Мальчик он неглупый, учился на одни пятерки, и нетрудно было оценить ситуацию, в которую он попал. На ребят нельзя было обижаться. В чем-то они были правы. Только вот с велосипедом вышло худо: пацаны отобрали его. Как теперь об этой трагедии поведать родителям... С мамой легче: она поймет. А вот отец...

А отец после изнурительного двухнедельного отпуска в это время сидел за своим тяжеловесным бухгалтерским столом. Ему не работалось. Слишком велико было нахлынувшее счастье. Это было как у того незадачливого армянского крестьянина, которому сначала Бог устроил так, что у него потерялся ишак. Когда же крестьянин занемог было от горя, Бог помог ему найти ишака. Счастьем крестьянина не было предела. Вот и Ваник пребывал в таком же состоянии.

Бухгалтером Ваник, конечно, стал случайно. По натуре он был философом. Он это чувствовал всеми своими клетками и потому любил порассуждать, пофилософствовать. Вот и теперь он философски размышлял о том, что счастье — штука мимолетная, что оно не может длиться вечно.

Гениальная догадка Ваника подтвердилась, как только сын переступил порог собственного дома.

В этом удивительном мире Ваника редко что удивляло. Он бы не удивился, если даже ему сказали бы, что Анатолий Карпов выиграл в нарды у Тиграна Петросяна. Но то, что теперь на глазах у Ваника творила его некогда послушная и кроткая супруга, — это очень удивило мужа. Такое в этом доме было впервые. Жена поносила своего мужа на чем свет стоит. Обзывала его словами, которыми Ваника награждали еще в далеком детстве. Ваннику очень знакомы были такие слова, как «крохобор», «Плюшкин», «жадюга», «скряга» и еще другие выражения. Жена поносила мужа за то, что тот не мог, как все нормальные люди, купить сыну-отличнику велосипед. И говорила, что именно за эту его расчетливость Бог и наказал Ваника. Но черт с ними, с деньгами. А кто возместит сыну-отличнику моральный ущерб, кто ответит за то, что мальчишки, как неряшливые маляры, разрисовали его лицо?

Все это Ваник выслушал, стоя у порога, и ловил себя на мысли, что жена его, оказывается, тоже живой человек. Она

даже ему нравилась. Но он кисло сморщился, когда под конец супруга смогла обозвать его дураком за то, что он, всегда хвастающийся своей расчетливостью и бережливостью, не мог додуматься до элементарной истины: две недели отпуска без сохранения содержания — это тоже деньги, которых он теперь не получит. Да еще какие деньги! Можно было на них почти два велосипеда купить.

Ваник ничего не отвечал жене. Такой он видел ее впервые и не знал, как поступить. Он тихо прошел в дом. Утром жена проснулась и ахнула. Мужа рядом не было. Такого она не помнила за все годы супружеской жизни. «Убежал», — пронзила голову естественная мысль, и она тихо всхлипнула, уткнувшись в подушку, чтобы не разбудить Ишханика. У жены Ваника тоже не было богатого опыта, и она думала, что мужья именно так и убегают.

В то время когда жена терзалась сомнениями, пряча лицо в огромную, облитую горькими слезами подушку, муж выходил из помещения сберкассы с таким выражением лица, словно над дверьми висела вывеска не сберкассы, а зубного кабинета.

В спортивном магазине Ваник долго выбирал новый «Орленок». Наконец он остановился на том, который больше других, на его взгляд, был смазан машинным маслом. С наслаждением и с болью в сердце вспомнил он о том, как полчаса назад заплатил в ателье проката сто сорок четыре рубля. Вышел с велосипедом в руках на залитую солнцем и утренней свежестью улицу Абовяна и впервые за последние одиннадцать лет, несмотря на ощутимые подорожания, позволил себе сесть в такси. «Орленка» Ваник оставил у приятеля, живущего рядом со спортивным магазином, чтобы иметь лишнюю возможность придумать, как лучше преподнести дома сюрприз.

Не успел Ваник войти в дом, как Ишханик и опухшая от слез жена повисли у него на шее. Они говорили вместе, громко, взхлеб. Ваник ничего не понимал... И вдруг закачалась люстра, посыпалась штукатурка, зазвенели стекла в окнах. Это не было землетрясением. Это хохотал Ваник. У него пробудилось долго дремавшее чувство юмора. Оказалось, как он это понял со слов жены и сына, звонил старшина Седрак и сказал, что похищенный велосипед «Орленок» нашли-таки. И еще дядя Седрак обещал найти тот, другой, — «Антилопу-Гну».